

[Ананда]*

*Ананда – один из самых любимых святых в буддизме. Обладал великолепной памятью.

Я хотел посетить множество мест, поэтому, когда я приехал вчера, я специально напомнил администратору, чтобы он разбудил меня завтра утром. Администратор бодро покачал головой и сказал: «Конечно, без проблем». Я думал, что они сделают это по телефону, но они, к моему удивлению, начали настойчиво барабанить в мою дверь в шесть утра, издавая громкие звуки «тук-тук-тук».

Оперативность индийцев поразила меня. Я поспешно встал с кровати и открыл дверь. Когда я произносил им «нандри», копируя Шэнь Сюя, я молился, чтобы мои соседи не проснулись.

Закрыв за собой дверь, я понял, что на мне нет тапочек, а пол далеко не чистый. В этот момент в моей голове пронеслись образы множества туристов, ступающих по полу босиком... Ах, я почувствовал себя неловко с головы до ног. Я пошел на цыпочках, спотыкаясь о кровать Шэнь Сюя, прежде чем запрыгнуть на свою.

— Если ты боишься грязи, в Индии тебе не место. — лениво произнес Шэнь Суй, садясь.

— Ты проснулся, Шэнь-лаоши? — я почувствовал себя виноватым. — Они стучали в дверь так громко, что разбудили тебя.

— Все в порядке. Я проснулся один раз чуть позже пяти утра и после этого больше не спал.

— Это рано.

— Да. Я видел сон о том, что мои ученики проходили Гаокао*.

*всекитайские государственные вступительные экзамены в вузы.

Я резко вдохнул, мои легкие сжимались, как будто я тоже вернулся в прошлое, когда сдавал экзамен.

— Ты собираешься преподавать студентам на последнем году, Шэнь-лаоши? И студенты, и преподаватели испытывают сильный стресс, не так ли?

— Мои ученики уже сдавали экзамен в этом году. — покачал головой он.

Я подумал, что Гаокао действительно важное время. Последствия этого экзамена были настолько ощутимы, что от них невозможно было избавиться даже спустя долгое время.

Я пережил два Гаокао. Одно из них было моим, а через другое пришлось пройти студентам последнего года под руководством моего парня. Иногда мне казалось, что учителя и врачи могут быть очень похожи. В тот момент, когда стали известны оценки учеников, их перспективы на будущее казались такими же важными, как и их жизни. Мой парень, их классный руководитель, внимательно просматривал журнал контактов с классом, готовясь позвонить ученикам и спросить об их оценках. Это тоже заставило мое сердце учащенно забиться, как будто я тоже сдавал экзамены вместе с ними.

Я не нервничал так, как когда сам сдавал экзамен. Меня чуть не стошнило от волнения, и все из-за одной вещи: за восемь месяцев до Гаокао я, приняв внезапное, импульсивное решение, признался во всем своему парню, который тогда был у нас классным руководителем по

географии.

Обстановка, в которой мы признавались, была ужасной. Никто другой не решился бы признаться перед кем-то в автобусе за несколько мгновений до того, как мы попрощались. Признание было поспешным. Было бы неплохо, если бы это увенчалось успехом, но я мог бы сбежать, если бы это провалилось... типичный образ действий труса.

За последние пару дней до вступительных экзаменов в колледж искусств школа отправила всех студентов, которые были сосредоточены на изучении искусства, включая меня, в тренировочный лагерь. Я боялся, что у меня не хватит смелости рассказать ему о своих чувствах в будущем, если я не сделаю это правильно в тот момент.

Когда я отложил свои бумаги для рисования и коробку с красками, он случайно проходил мимо, неся в руках стопку свежееотпечатанных в последнюю минуту работ для всего класса. Увидев меня, он быстро подошел и просунул в окошко стопку листов с упражнениями, напечатанных на ярко-желтой бумаге.

— Сяоцзинь, это твое. — он посмотрел на меня и кивнул. — Я уйду.

Он слегка щурился от солнца, подпирая стопку бумаг коленом и откидывая волосы со лба в сторону.

Я некоторое время смотрел на листок, прежде чем со свистом распахнуть окно.

— Подожди!

Он послушно вернулся, поднял на меня глаза и спросил, что случилось.

— Эй, ты знаешь, что уже давно нравишься мне? Не так, как любят друг друга друзья.

Красный флаг с пятью звездами, развевавшийся посреди цветочных клумб, развевался на ветру. Представитель класса географии, которого все уважали, застыл на месте, потрясенно уставившись на меня.

Дидай (так мы его тогда называли) был красивым, со светлой кожей и хорошими оценками. Он был лучшим студентом в городе по общественным наукам, и количество людей, которые стремились к нему, могло бы составить целую очередь. Однако, вероятно, это был первый раз, когда он услышал такое прямое признание от парня.

Ну и что с того, что это было от парня? Это не противоречило основным социалистическим ценностям и не меняло направление вращения Земли. Все в мире шло своим чередом: птицы по-прежнему пели, а цветы по-прежнему ярко цвели.

Я думал, что мое признание ни к чему не приведет, потому что Дидай начал заикался, что было редким явлением. Он выглядел потерянным, и его взгляд блуждал повсюду, пока не упал на слова на титульном листе макета газеты «Рекомендовано известным ученым из Хуангана». Его взгляд был готов прожечь дыру в этих бумагах.

— Ты можешь сказать мне эти слова после Гаокао? — спросил он мягко, до невозможного вежливо. — Спасибо, что я тебе нравлюсь.

Двигатель заработал, и автобус наполнился теплым воздухом, когда заработало отопление. Я молча наблюдал за ним, и мое сердце сжималось от боли.

— Удачи на экзаменах. — быстро сказал он.

— А-а. Тебе тоже.

Учитель начал пересчитывать учеников. Я поднял руку, подавляя грусть, и заставил себя беззаботно сказать:

— Я здесь!

— Э-э... Сяоцзинь, у тебя есть карандаш? — поспешно спросил он меня.

— Что?

Я протянул ему карандаш 8В, который вытащил из-за уха, и он побежал к цветочным клумбам, где положил стопку бумаг, оторвал маленький кусочек от обложки и что-то написал на обороте. Он прибежал до того, как автобус уехал, и сунул мне в ладонь клочок бумаги.

«Я подам заявление в этот университет» написал он своим красивым почерком.

Это был университет в Гуанчжоу, одно из лучших учебных заведений в стране. Баллы, необходимые для поступления, были поразительно высокими... Я не смог бы набрать их, даже если бы повторил курс 800 раз. Но это было прекрасно. Я выбрал другой подход, и, как того хотел мой парень, меня приняли в архитектурную школу при художественном университете. Мои родители гордились мной, но, что более важно, университет тоже находился в Гуанчжоу.

— Ты бы отверг мое признание, если бы я не поступил в университет в Гуанчжоу? — во время летних каникул после Гаокао я спросил его об этом, откусывая кусочек мороженого.

— Нет. — он покачал головой, и это прозвучало уверенно. Он протянул мне свой телефон, и в строке поиска был задан вопрос, продаются ли месячные и годовые билеты на высокоскоростную железную дорогу.

К сожалению, ответ был отрицательным.

— Почему я до сих пор в это не верю?

Некоторое время он молчал, а потом вдруг приподнял мой подбородок. Он серьезно посмотрел мне в глаза.

— Послушай, Сяоцзинь. Если бы у меня не было к тебе никаких чувств, зачем бы я тратил столько времени на твоё обучение? Подумай об этом. Сколько раз я рассказывал тебе о линиях долготы и широты и о том, как вычислять часовые пояса? Хм? Кто, кроме меня, захотел бы так терпеливо учить тебя?

Я сглотнул, потрясенный его внезапной настойчивостью. Я не осмеливался посмотреть ему в глаза, поэтому мой взгляд был прикован к его губам.

То лето имело вкус зеленой фасоли. Этот момент закончился естественно, как и должен был закончиться... Мы впервые поцеловались.

-

В номере отеля в Дели была ужасная звукоизоляция. Яркие лучи света в сочетании с шумом, доносящимся из коридора, создавали ослепляющую, шумную обстановку. Я приподнялся на

кровати, только сейчас осознавая, что все это время тупо улыбался.

— Что у тебя на уме? — спросил Шэнь Сюй.

Не знаю почему, но я хотел быть честным с ним.

— Мой парень.

— Хм. — Шэнь Сюй отвернулся. — Ты уже вспомнил его имя?

Я чувствовал беспокойство.

— Нет.

— Все в порядке. Я тоже всегда что-то забываю. Причем, важные вещи. — сказал Шэнь Сюй. — Тебе не нужно чувствовать себя виноватым.

Я не думал, что это нормально. Это было не нормально, но я пока не знал, как решить эту проблему.

-

Я смотрел на свой телефон, когда чистил зубы. Последним сообщением в моем чате с моим парнем была фотография, которую я отправил вчера вечером. Если бы он играл в игру, ему было бы присвоено высшее достижение «Холодный, как ледник» за его привычку не отвечать на сообщения и за то, что он часто игнорирует мои.

Когда я вышел из ванной, Шэнь Сюй уже был полностью одет. На нем был красновато-коричневый костюм, который не выглядел ни неряшливо, ни роскошно, потому что туристов обманывают, когда они выглядят так, будто у них толстые кошельки.

В отеле подавали бесплатный завтрак, который уже был накрыт для нас на маленьком столике в коридоре перед нашим номером. Во время трапезы на свежем воздухе мы могли любоваться как видом на жилые кварталы Нью-Дели, так и разноцветной глазурованной плиткой во дворе, которая мне безумно нравилась.

Столовых приборов нам не выдали, и вся еда подавалась на двух ярко-зеленых банановых листьях. Кроме риса, у нас были карри, горошек и тосты с ломтиками сыра. Слева от меня на серебряном подносе стояли чашки с черным чаем и молоком. Серебро отражало солнечный свет, создавая ослепительную картину в сочетании с яркими красками в коридоре. Я взял немного риса и посмотрел на гарниры, разложенные поверх риса, чувствуя, как меня охватывает тоска.

— 2000 рупий за ночь в пересчете на нашу валюту - это не так уж и дорого, но мне трудно это переварить, когда я думаю о том, что это может стоить столько же, сколько их месячная зарплата.

Шэнь Сюй налил себе чаю, затем скрестил руки на груди и начал размышлять об этом вместе со мной.

— Многие люди не могут заработать и 2000 рупий... Именно здесь живут богатые люди. Только в Старом Дели мы можем увидеть настоящую Индию.

Страдания и беды людей всегда были скрыты под слоем показной роскоши. Я отломил кусочек

от картофелины и сказал ему, что хочу посетить Старый Дели.

— Конечно. Куда еще ты хочешь пойти?

— Я хочу посмотреть на Шиву. — ответил я без колебаний. Это была первоначальная цель моей поездки сюда с моим парнем. Нам обоим очень нравилось это прекрасное и доброе божество, особенно когда его красота сочетается с таинственностью... Было невозможно не проникнуться им.

Официант в красных погонах с кисточками на форме подошел, чтобы налить нам чаю. Умело наливая воду в кастрюлю, он повернулся и спросил меня:

— Ага, Шива?

— Да. — кивнул я.

Он выглядел воодушевленным и начал говорить по-английски с акцентом. Я ничего не понимал из того, о чем он говорит, поэтому беспомощно посмотрел на Шэнь Сюя, который широко улыбнулся.

— Он говорит: «Осторожно! Если вы увидели статую Шивы в Ришикеше, вы не сможете уехать из Индии!»

Официант, похоже, знал, что Шэнь Сюй переводит для меня. Его толстые губы открывались и закрывались, когда он говорил, а его выющиеся ресницы и яркие глаза выделялись на фоне оливковой кожи. В конце концов я перестал слышать его голос, когда смотрел на его выразительное, оживленное лицо.

— Шэнь-лаоши, давай посмотрим на Шиву после того, как посетим Старый Дели, а?

Я не могу дождаться.

— Мы никуда не спешим. Давай оставим лучшее напоследок.

Неожиданно Шэнь Сюй отвергнул мое предложение.

— Но...

— Не волнуйся, я позабочусь о том, чтобы ты его увидел. — глаза Шэнь Сюя светились весельем, но в его тоне не было уверенности. — Индия - это место, где сбываются твои мечты.

Он поставил свою чашку и сказал официанту «до свидания» и «спасибо». Его слова звучали вежливо, но было такое ощущение, что он просил официанта уйти.

<http://bllate.org/book/14890/1347412>